

СТЕНОГРАММА № 419

заседания диссертационного совета Д 212.088.01.
при федеральном государственном бюджетном образовательном
учреждении высшего образования
«Кемеровский государственный университет»
от «20» декабря 2019 г.

Араева Л. А.: Уважаемые коллеги! Сегодня 20 декабря 2019 года, время 13:40. Ученого секретаря прошу сообщить о явке членов совета.

Проскурина А. В.: Спасибо, Людмила Алексеевна! На заседании совета присутствуют 17 членов совета из 21, в том числе 7 докторов наук по профилю рассматриваемой диссертации:

1. Л. А. Араева, доктор филологических наук – 10.02.19;
2. Н. В. Мельник, доктор филологических наук – 10.02.01;
3. А. В. Проскурина, кандидат филологических наук – 10.02.01;
4. Э. М. Афанасьева, доктор филологических наук – 10.02.01;
5. О. Н. Кондратьева, доктор филологических наук – 10.02.01;
6. В. А. Каменева, доктор филологических наук – 10.02.19;
7. Л. Г. Ким, доктор филологических наук – 10.02.01;
8. А. В. Колмогорова, доктор филологических наук – 10.02.19;
9. Н. Б. Лебедева, доктор филологических наук – 10.02.01;
10. З. И. Резанова, доктор филологических наук – 10.02.01;
11. М. Ю. Рябова, доктор филологических наук – 10.02.19;
12. Е. Б. Трофимова, доктор филологических наук – 10.02.19;
13. О. В. Фельде, доктор филологических наук – 10.02.01;
14. А. Г. Фомин, доктор филологических наук – 10.02.19;
15. Т. В. Чернышова, доктор филологических наук – 10.02.01;
16. К. А. Шишигин, доктор филологических наук – 10.02.19;
17. Ю. А. Эмер, доктор филологических наук – 10.02.01.

Заседание проходит при председательстве Л. А. Араевой, докторе филологических наук (председателе совета), секретаре А. В. Проскуриной, кандидате филологических наук (ученом секретаре совета).

Проскурина А. В.: На заседании присутствуют 17 членов диссертационного совета, кворум имеется. По специальности 10.02.19 – Теория языка присутствуют 7 членов диссертационного совета.

Араева Л. А.: Предлагаю открыть заседание диссертационного совета Д 212.088.01. На повестке защита диссертации Мона Елизаветы Александровны «Языковая личность террориста (исследование на материале видеообращений членов международной террористической организации Исламское государство, запрещенной на территории Российской Федерации)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Диссертация выполнена на кафедре переводоведения и лингвистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ, г. Кемерово.

Научный руководитель – Фомин Андрей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и лингвистики института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык, доцент, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, г. Челябинск;

Плотникова Анна Михайловна, доктор филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка, доцент, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, г. Екатеринбург.

Ведущая организация – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный педагогический университет», Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, г. Екатеринбург.

Араева Л. А.: Для проведения защиты присутствуют 7 докторов наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Слово для доклада об основном содержании представленных соискателем документов и их соответствии установленным требованиям предоставляется ученому секретарю.

Проскурина А. В.: Спасибо, Людмила Алексеевна! В деле соискателя Мона Елизаветы Александровны имеются все необходимые документы, соответствующие требованиям ВАК:

- а) заявление, написанное от руки;
- б) нотариально заверенная копия диплома об окончании аспирантуры (с приложением);
- в) положительное заключение кафедры;
- г) отзыв научного руководителя;
- д) сведения о научном руководителе;
- е) характеристика соискателя;
- ж) оттиски всех публикаций, представленных в автореферате;
- з) переплетенные рукописи диссертации;

- и) отпечатанные авторефераты;
- к) реестр адресов, по которым направлен автореферат;
- л) отзывы официальных оппонентов, ведущей организации; отзывы, поступившие на автореферат.

Следует еще раз отметить, что все документы соответствуют требованиям ВАК Минобрнауки России.

Мона Елизавета Александровна родилась 19 июля 1993 года. В 2014 году окончила обучение в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» по программе бакалавриата (направление подготовки 03.10.00 – «Филология») с присвоением квалификации «Бакалавр». В 2016 году (при Кемеровском государственном университете) окончила магистратуру (направление подготовки 45.04.01 – «Филология») с присвоением квалификации «Магистр».

Елизавета Александровна Мона также освоила программу подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ.

Соискателем с отличием сданы все необходимые кандидатские экзамены: история и философия науки, иностранный язык, теория языка.

Сфера научных интересов соискателя – это вопросы лингвоперсонологии, психолингвистики и политической лингвистики.

В период научной деятельности Елизавета Александровна Мона принимала активное участие в работе международных конференций и симпозиумов (г. Екатеринбург, г. Москва, г. Кемерово), где выступала с докладами.

Общее количество публикаций – 9. По теме исследования соискателем опубликовано 8 статей, 4 из которых – в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных перечнем Высшей Аттестационной Комиссией Министерства образования и науки РФ (1 статья опубликована в издании, индексируемом в международных цитатно-аналитических базах данных Scopus и Web of Science). Спасибо за внимание!

Араева Л. А.: Спасибо! Слово для изложения существа и основных положений диссертации предоставляется соискателю.

Мона Е. А.: Уважаемый председатель диссертационного совета, уважаемые члены совета, уважаемые присутствующие! Вашему вниманию предлагается диссертационное исследование «Языковая личность террориста (исследование на материале видеообращений членов международной террористической организации Исламское государство, запрещенной на территории Российской Федерации)» на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка. Работа выполнена на кафедре переводоведения и лингвистики института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета под научным руководством доктора филологических наук, профессора Фомина Андрея Геннадьевича.

Диссертационное исследование посвящено лингвоперсонологическому портретированию личности террориста, включающему создание речевого портрета спикера «Исламского государства». Моделирование языковой личности террориста производится с учетом специфики вербальной репрезентации на всех уровнях языка, а также предполагает детальное изучение невербального сопровождения анализируемой речи.

Таким образом, основной целью работы справедливо считать формирование модели языковой личности террориста на основании коллективного речевого портретирования спикеров «Исламского государства» и анализа специфики их невербального поведения. Достижению

поставленной цели способствовало решение ряда задач, которые представлены на слайде презентации.

В ходе работы над диссертационным исследованием все обозначенные задачи были решены.

Так, в параграфе 1.2. первой главы диссертации определяется соотношение понятий «языковая личность» и «речевой портрет». Принимая во внимание тот факт, что в систему языка входят наиболее устойчивые компоненты речи индивида, речевой портрет можно охарактеризовать как «воплощенную в речи языковую личность». Именно такое определение формулирует Светлана Владимировна Леорда. С позиции данного подхода речевая личность мыслится компонентом, входящим в состав более широкой сущности – языковой личности, а проблема речевого портретирования – частным направлением теории языковой личности. В связи с этим создание речевого портрета можно считать основным способом описания языковой личности, не отражающим, однако, всю глубину этого многогранного феномена. На наш взгляд, достижению данной цели может служить лишь применение комплексного подхода, включающего также детальный анализ невербального сопровождения речи индивида.

При теоретическом осмыслении существующих типологий языковых личностей в параграфе 1.3. первой главы диссертации была установлена и аргументированно обоснована необходимость внедрения в терминологический аппарат лингвоперсонологии таких понятий, как «естественная языковая личность» и «искусственная языковая личность», а также «субординационная языковая личность» и «суррогатная языковая личность». Именно оперирование данными понятиями видится необходимым для наиболее полного отражения специфики языковой личности террориста и формирования модели ее описания. В рамках данного исследования языковая личность террориста определяется нами как искусственная по типу (поскольку не является результатом естественного развития) и суррогатная по подтипу

(так как связана с внедрением в сознание носителя идеологического шаблонного образа).

В параграфе 2.2. второй главы диссертации отмечается, что значимой особенностью терроризма является его коммуникативная основа. Терроризм, по мнению Брюса Хоффмана, можно рассматривать как особую форму политической коммуникации, а террористическое видеообращение – как один из инструментов ее реализации. Анализ видеообращений членов «Исламского государства» позволил выявить некоторые характеристики языковой личности террориста, а именно:

- обладание суррогатной шаблонной идеологической системой, внедренной в сознание посредством суггестивного воздействия со стороны террористической организации;

- неумение вести диалог с реципиентом по причине собственной ригидности;

- нацеленность на манипулятивное воздействие, способное оказать деструктивное влияние на сознание реципиента.

Иными словами, видеообращение террориста как специфическая форма коммуникации в рамках террористического дискурса, определяемая нами на стр. 66 как «радикальный персонотекст», позволяет детально рассмотреть вербальные и невербальные проявления, свойственные изучаемому типу языковой личности. Обобщение и интерпретация полученных результатов заставляет вновь обратиться к проблеме необходимости разработки новой типологии языковых личностей, что доказывает положение 1, выносимое на защиту [текст положения представляется на слайде презентации].

В параграфе 2.1. второй главы диссертации, посвященном теоретическому обоснованию необходимости выделения террористического дискурса как самостоятельного вида дискурса, особое внимание уделяется сравнению и противопоставлению таких деструктивных социальных

феноменов, как экстремизм и терроризм. На основании полученных результатов формулируется вывод о том, что свойственные экстремизму и терроризму черты присущи соответствующим дискурсам. Вслед за Ниной Давидовной Арутюновой мы полагаем, что дискурс – это не сам объем продуцируемых языковой личностью текстов, а единство произведений речевой деятельности (устной или письменной) и различных «прагматических, социокультурных, психологических и других факторов». Данный подход способствовал созданию следующей дефиниции террористического дискурса [текст определения демонстрируется на слайде презентации]. Поскольку терроризм рассматривается нами как элемент, входящий в состав более крупного понятия – экстремизма, взаимообусловленность соответствующих дискурсов будет иметь аналогичный вид: структурно террористический дискурс мыслится как подвид экстремистского дискурса, который, в свою очередь, выделяется в рамках политического дискурса, что подтверждает положение 2, выносимое на защиту [текст положения представляется на слайде презентации].

В параграфе 2.3. второй главы диссертации отмечается семиотическая природа террористического дискурса, позволяющая «Исламскому государству» успешно осуществлять пропаганду джихада в мировых масштабах, а также вербовать новых рекрутов по всему миру. Мы солидарны с Игорем Юрьевичем Сундиевым и полагаем, что «профессионально разрабатываемая информационная политика террористической организации (в совокупности с ее военными успехами) в значительной мере способствовала завоеванию данным радикалистским образованием широкой известности и узнаваемости».

Третья глава диссертации посвящена выявлению и описанию специфических вербальных и невербальных признаков, характерных для языковой личности анализируемого типа. В результате анализа вербальной

организации речи спикеров «Исламского государства» были получены следующие результаты и сформулированы выводы.

Экстралингвистические особенности исследуемого объекта обусловили выделение в ходе анализа лексического материала следующих тематических групп: «военная лексика», «религиозная лексика», «политическая лексика» и «насилие».

Видеообращение террориста характеризуется наличием значительного количества лексических и синтаксических стилистических приемов, позволяющих эффективно оказывать воздействие на сознание реципиента. Дело в том, что, как отмечается в положении 3, выносимом на защиту [текст положения представляется на слайде презентации], в рамках террористического дискурса употребление средств языковой выразительности не только служит для создания яркого запоминающегося образа, но и позволяет спикеру оказывать манипулятивное воздействие на аудиторию. Наиболее часто употребляемым тропом в обращениях боевиков «Исламского государства» является метафора – важнейшее средство идеологической ориентированности. Однако в текстах анализируемых видеообращений отмечается применение таких средств языковой выразительности, как гипербола, синекдоха и антитеза.

В плане синтаксической организации обращение террориста является также специфичным – использование сложных предложений с развернутой структурой (иногда с применением инверсии) говорит о заблаговременной проработке текста каждого сообщения. Параллелизм в речи террориста используется преимущественно для того, чтобы продемонстрировать последствия, которые влекут за собой действия, предпринимаемые вооруженными силами антиигиловской коалиции. Анафорический повтор также является довольно распространенным приемом в анализируемых обращениях. В текстах видеообращений встречается и иной тип повтора – анадиплосис. Однако в ходе анализа отмечаются и краткие предложения.

Иногда спикер склоняет аудиторию к размышлению, задавая риторические вопросы. В анализируемых видеообращениях также присутствуют предложения с усеченной структурой (эллиптические конструкции).

Фонетическая оформленность речи спикера-террориста не ограничивается особенным интонированием. В ходе изучения материала исследования с позиции консонантизма были обнаружены некоторые отклонения от существующей нормы, однако, это обусловлено в большей мере индивидуальным фактором – происхождением говорящего, в связи с чем не несет интереса в рамках проводимого исследования, предполагающего формирование коллективного речевого портрета террориста. Данная мысль отражена в положении 4, выносимом на защиту [текст положения представляется на слайде презентации]. Тем не менее, принимаются во внимание особенности вокализма спикеров, обусловленные необходимостью передачи большого объема информации за краткий отрезок времени (например, преимущественно высокий темп речи провоцирует появление редукции, большая часть дифтонгов монофтонгируется, наблюдаются случаи элизии нейтральных гласных), так как они находят проявление во всех 13 анализируемых видеообращениях.

Невзирая на то, что для некоторых спикеров английский язык не является родным, с точки зрения морфологии их речь организована преимущественно в соответствии с языковой нормой. Редко присутствует опущение вспомогательных глаголов, обусловленное скоростью речи. Это подтверждает суждение о том, что текст выступления спикера является заранее спланированным (предположительно, лидерами террористической организации) и подготовленным.

Изучение невербальной организации речи террористов Исламского государства позволило отметить следующее. Для террористических видеообращений характерно расположение участников коммуникативного акта «лицом к лицу»; ориентация, выражаемая в повороте тела и головы в

направлении адресата, сигнализирует о прямой направленности презентуемого сообщения. Занимая подобное положение, спикер обозначает свою позицию и демонстрирует решимость отстаивать ее. В совокупности с другими компонентами невербального поведения спикера положение напротив предполагаемого реципиента свидетельствует и об агрессивном настрое – террорист бросает аудитории вызов.

В ряде случаев террорист показывается на довольно близком расстоянии. Тактика вторжения в «интимную зону» реципиента помогает террористу выполнить прагматическую установку – оказать психическое давление на аудиторию, заставить ее испытывать страх и тревогу.

С целью обеспечения личной безопасности члены «Исламского государства» часто надевают черные маски, намеренно лишая аудиторию возможности видеть свое лицо, что делает затруднительным или вовсе невозможным отслеживание изменений мимики в процессе анализа выступления.

Превалирующей эмоцией в ходе выступления террориста является гнев. В некоторых фрагментах анализируемых видеозаписей посредством мимики говорящим выражается эмоция отвращения. Примечательно, что в большинстве случаев подобная мимика сопровождается осуждением террористом иной религиозной идеологии. Примечательно стремление террориста оскорбить, унижить адресата, а также наличие высокой степени его раздражительности, что также находит отражение как в мимике спикера (мышцы лица предельно напрягаются), так и в особенностях презентации вербального сообщения (темп речи становится неравномерным, повышается тембр голоса). Усиливает производимый эффект и активная жестикуляция говорящего.

Результаты анализа проксемических и кинесических особенностей невербального поведения террориста подтверждают значимость невербального аспекта коммуникативной деятельности в реализации

прагматической интенции спикера, заключающейся преимущественно в осуществлении функции устрашения целевой аудитории и оказании манипулятивного воздействия на психику реципиента.

В завершение выступления считаем допустимым резюмировать, что решение задач исследования способствовало раскрытию выносимых на защиту положений, а также позволило реализовать главную цель работы – создать модель языковой личности террориста.

Араева Л. А.: Спасибо, Елизавета Александровна. Имеются ли вопросы к соискателю у членов совета? Пожалуйста, Зоя Ивановна.

Резанова З. И.: Насколько мне известно, в рамках теории языковой личности существует модель описания языковой личности, базирующаяся на анализе максимального набора речевых реализаций индивида. Подобный опыт имеется у «Томской школы» – продолжительное общение с Верой Прокофьевной Вершининой позволило создать модель языковой личности носителя сибирского диалекта. Есть и другая тенденция, предполагающая моделирование по какому-либо одному жанру, одному аспекту речевой реализации. Такой подход, например, возможен, когда по художественному произведению моделируется языковая личность писателя. Здесь есть некоторое ограничение, поскольку писатель также живет обыденной жизнью (общается с родственниками, друзьями), в которой реализует себя как-то иначе. На каком основании Вы полагаете, что, анализируя только выступления в одном активном жанре, Вы моделируете языковую личность террориста? Ведь языковая личность реализуется во множестве коммуникативных ситуаций. Можно ли говорить, что характеризуется именно языковая личность террориста, а не речевой портрет?

Мона Е. А.: Уважаемая Зоя Ивановна, благодарим Вас за вопрос! Именно данную идею мы закладывали в основу создания новой типологии языковых личностей – дело в том, что, когда мы говорим о суррогатной языковой личности, мы предполагаем подобные социальные роли. В

различных ситуациях языкового общения индивид меняет так называемые «маски» (иными словами, осознанно проявляет себя различным образом в зависимости от коммуникативной ситуации). В случае с террористами подобное невозможно, поскольку шаблонное идеологизированное речевое поведение внедряется в сознание индивида посредством суггестивного воздействия (со стороны террористической организации) и делает невозможным самостоятельное аналитическое мышление. Иными словами, террорист не способен «переключаться» между различными типами языковых личностей.

Резанова З. И.: Немного перебыю, то есть, Вы моделируете речевую роль, а не языковую личность во всем многообразии ее проявлений? Ведь невозможно отрицать, что этот террорист еще и отец, сын и так далее.

Чернышова Т. В.: Особенно важен здесь фактор национальности.

Резанова З. И.: Да, а политические взгляды личности – одна из многих граней общей картины. Или Вы все-таки моделируете речевую роль по аспекту политических убеждений террориста? Полагаете, что политические убеждения поглощают всю личность? Или это просто срез личности?

Мона Е. А.: Благодарим за дополнения! Хотелось бы акцентировать внимание на том, что мы анализируем речевые проявления нескольких членов террористической организации, являющихся представителями различных национальностей и, следовательно, носителями различных лингвокультур (не все спикеры являются выходцами стран Востока). Тем не менее, в жанровой специфике террористического видеообращения мы находим некоторые общие (шаблонные) характеристики во всех рассматриваемых обращениях. Мы полагаем, что при такой жизненной позиции индивид погружается в искусственный образ и лишается возможности исполнения иных социальных ролей. Он теряет способность возвращаться в естественное состояние сознания и не может вновь должным образом осуществлять функции отца, друга и т.п.

Араева Л. А.: Оставим на дискуссию!

Резанова З. И.: Мне понятна Ваша позиция.

Араева Л. А.: Прошу, Ольга Викторовна!

Фельде О. В.: Скажите, пожалуйста, в рамках какой лингвистической науки Вы выполняли исследование? На терминологическую базу какой дисциплины Вы ориентировались – дискурсивной лингвистики, лингвоперсонологии, микросоциолингвистики, которая очень активно изучает речевое портретирование отдельной личности? Или, возможно, какой-то другой дисциплины?

Мона Е. А.: Уважаемая Ольга Викторовна, благодарим Вас за вопрос! Мы выстраиваем исследование в русле лингвоперсонологии, поэтому придерживаемся преимущественно терминологии, выработанной в рамках данной научной дисциплины.

Фельде О. В.: Почему, в таком случае, в качестве объекта исследования Вы рассматриваете речевое поведение, ключевой термин – «речевое поведение», а в заглавие работы выносите именно термин «языковая личность», и мы ожидаем, что вы будете рассматривать широко.

Мона Е. А.: Собственно речевое поведение террориста мы рассматриваем в качестве материала (или основы) возможности создания модели языковой личности.

Фельде О. В.: Хорошо, еще один вопрос. В Вашем автореферате и в диссертации довольно много терминов из психологии: суггестивное воздействие, ригидность. На основании каких исследований (которые Вы проводили или же ссылались на чьи-то работы) Вы можете определить, например, ригидность террориста? Далее Вы говорите, что этот человек осуществляет манипулятивное воздействие. Как тогда сочетается ригидность человека с его способностью к манипуляции, к активному воздействию на других?

Мона Е. А.: Дело в том, что мы рассматриваем террориста лишь как носителя шаблонной идеологии. Полагаем, что спикер не самостоятельно формулирует свое высказывание, а именно доносит до целевой аудитории то, что создано в рамках террористической организации.

Фельде О. В.: На чем строится это Ваше наблюдение? Какие данные у Вас есть, подтверждающие, что спикер не сам пишет, не сам транслирует эту информацию?

Мона Е. А.: В результате лингвистического анализа мы самостоятельно получили такие данные: в обращениях террористов создаются одни и те же образы, фигурируют идентичные шаблонные образования. Это позволяет заключить, что автор анализируемых текстов един.

Фельде О. В.: Какое отношение это имеет к личности террориста, если есть спичрайтер, а спикер транслирует чужой текст?

Мона Е. А.: Мы убеждены, что человек (или коллектив), создающий данные тексты, является частью террористической организации и, соответственно, может считаться носителем искаженной идеологической системы.

Араева Л. А.: Наталья Борисовна, пожалуйста!

Лебедева Н. Б.: Елизавета Александровна, то есть Вами характеризуется не та денотативная личность, которая реально существует, а тот образ, который создается спичрайтерами или кем-либо еще? Это именно образ языковой личности?

Мона Е. А.: Совершенно верно! Именно для отражения данной идеи мы вводим термин «искусственная языковая личность». Личность террориста – это искусственная языковая личность.

Лебедева Н. Б.: Понятно, спасибо!

Араева Л. А.: Татьяна Владимировна, прошу!

Чернышова Т. В.: Первое положение, выносимое на защиту, содержит формулировку «языковая личность террориста». Можете ли Вы дать свое определение слова «террорист». Как Вы его понимаете?

Мона Е. А.: Уважаемая Татьяна Владимировна, благодарим Вас за вопрос! По нашему мнению, террорист – это радикально настроенная личность, входящая в крупную общность (организацию), которой присуще шаблонное сознание, нацеленность на распространение деструктивной идеологии и некоторая ригидность сознания, а также невозможность самостоятельного критического мышления. Основной задачей такого индивида является устрашение масс, манипулирование сознанием общества в интересах террористической организации.

Чернышова Т. В.: Спасибо! Также хотелось бы уточнить следующее – на стр. 10 автореферата Вы пишете об экстралингвистических особенностях исследуемого объекта и выделяете тематические группы. Скажите, любой политик, речь которого содержит лексику, относящуюся к данным группам, может быть назван террористом? В каких случаях мы можем судить, что этот набор признаков характеризует именно террориста, а не, к примеру, экстремиста?

Мона Е. А.: Мы полагаем, что необходимо учитывать коммуникативную интенцию говорящего. Применяющий данную лексику политик не имеет цели оказать деструктивное воздействие на реципиента. Более того, в диссертационном исследовании мы разграничиваем экстремистский и террористический дискурсы, отмечая, что тексты экстремистского содержания направлены преимущественно на устрашение посредством угроз, тогда как террористические обращения подкрепляются активными действиями, подтверждающими сказанное.

Чернышова Т. В.: Есть ли у Вас данные о том, что за подобными выступлениями наблюдаются последствия?

Мона Е. А.: Да, безусловно! В теоретической части работы, посвященной характеристике террористического дискурса и обоснованию необходимости его обособления, мы приводим информационные источники по данной проблематике. Дифференцируя экстремизм и терроризм, мы ссылаемся на авторов, разграничивающих данные понятия по принципу деятельности.

Чернышова Т. В.: Понятно, спасибо!

Араева Л. А.: Спасибо! Слово предоставляется научному руководителю – Фомину Андрею Геннадьевичу, доктору филологических наук, профессору, профессору кафедры переводоведения и лингвистики института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Фомин А. Г.: Спасибо, Людмила Алексеевна! [Оглашает отзыв (прилагается)].

Араева Л. А.: Спасибо, Андрей Геннадьевич!

Араева Л. А.: Слово предоставляется ученому секретарю для оглашения заключения организации, где выполнялась диссертационная работа, отзыва ведущей организации, других поступивших в диссертационный совет отзывов о диссертации и автореферате.

Проскурина А. В.: Спасибо, Людмила Алексеевна! Заключение о диссертации Мона Елизаветы Александровны дано Кемеровским государственным университетом [делает обзор заключения организации, где была выполнена представленная работа (заключение прилагается)].

Перейдем к озвучиванию отзыва ведущей организации [оглашает отзыв ведущей организации (отзыв прилагается)].

Перейдем к обзору аннотации отзывов, полученных на автореферат диссертации Мона Елизаветы Александровны [приводит обзор отзывов об автореферате (отзывы прилагаются)]. У меня все, спасибо за внимание!

Араева Л. А.: Спасибо, Анастасия Викторовна! Слово для ответа на прозвучавшие вопросы и замечания предоставляется соискателю.

Мона Е. А.: Благодарим уважаемого доктора филологических наук, профессора Чудинова Анатолия Прокопьевича за предоставление отзыва ведущей организации и приступаем к ответам на заданные вопросы.

1. В связи с тем, что значимым для проводимого исследования является суждение о том, что член любой террористической организации является носителем шаблонного идеологического представления об окружающей действительности, полагаем, что содержательный компонент речевой деятельности как боевика-террориста, так и спикера-террориста будет иметь множество общих характеристик. Например, аргументация террориста в пользу правомерности асоциальной деструктивной деятельности будет, предположительно, строиться по единой модели. Более того, ожидаемо совпадение в применении различными говорящими тактик и стратегий речевого воздействия. Тем не менее, мы разделяем мнение уважаемого автора отзыва относительно того, что возможны (и наиболее вероятны) расхождения в плане формы изложения сообщения террористами, выполняющими разные роли в иерархии террористической организации. Безусловно, «работа на публику» доверится подготовленным членам террористической организации, способным закрепить в сознании целевой аудитории желаемые идеи. Рядовой террорист-боевик не способен столь же убедительно выступить перед широкой аудиторией без должной подготовки (тексты видеообращений террористов, по нашему мнению, следуют заранее разработанному сценарию).

2. Полагаем, что выбор террористической организацией определенного спикера, действительно, зависит от предполагаемой целевой аудитории. Наиболее иллюстративным примером можно считать обращение спикера

«Исламского государства» к жителям Австралии. Для скрытой манипуляции, предполагающей формирование расположения реципиента к спикеру террористической организацией, избран именно спикер-австралиец, ссылающийся на свой (отрицательный до вступления в «Исламское государство») жизненный опыт. Логично заключить, что для воздействия на обозначенную в вопросе аудиторию будет представлен иной спикер, способный войти в доверие и склонить слушающих к поддержке деятельности террористической организации или к вступлению в ее ряды. Тем не менее, даже в такой ситуации ожидается, что презентуемый текст будет заранее спланирован и проработан.

3. К носителям искусственной суррогатной языковой личности нами относятся также адепты различных сект и «пирамид», члены которых попадают в поле деструктивного суггестивного воздействия, в результате которого происходит изменение сознания, а возвращение к естественной языковой личности становится невозможным без помощи специалиста.

4. В завершение ответа отмечаем, что мы согласны с замечанием, сформулированным в тексте отзыва, и планируем в дальнейшем последовать изложенной рекомендации.

Выражаем благодарность авторам отзывов на автореферат кандидатской диссертации и переходим к ответам на заданные вопросы.

К вопросу О. А. Сулеймановой. Ранее мы уже прокомментировали, какие виды языковых личностей относим к подтипу «суррогатная языковая личность». К подтипу «субординационная языковая личность» мы относим шаблонные языковые модели, к которым индивид обращается намеренно (и без затруднений перехода к своей естественной языковой личности), часто в профессиональных целях. Например, актер, пребывающий в творческом образе, на наш взгляд, является носителем суррогатной языковой личности. Таким же образом можем охарактеризовать и политика, соответствующего созданному специалистами социальному имиджу.

К вопросу М. В. Загидуллиной. Безусловно, ригидность радикально настроенных спикеров в рамках международной политической коммуникации обуславливает их неумение вести традиционный диалог. В связи с тем, что аргументация при нападении на оппонента может быть легко оспорена из-за большей эмоциональности, нежели содержательности, мы полагаем, что модель монологического дискурса в таких случаях неизбежна. Результаты исследования позволяют заключить, что видеообращение террориста можно считать проявлением данного феномена.

К вопросу И. П. Федотовой. Переводы на русский язык с сопроводительным выделением анализируемых лингвистических особенностей обусловлен стремлением представить результаты исследования широкой аудитории. В частности, намерением создать примерное видение ситуации для потенциальных читателей диссертационной работы, не владеющих английским языком. К сожалению, при переводе стилистических средств выразительности не всегда удается сохранить формальное или содержательное представление исходной единицы. Следовательно, не представляется возможным судить о применимости полученных результатов на материале переводов текстов видеообращений на русский язык. Использование в переводе форм «ты» и «вы» обусловлено контекстом. Так, при переводе обращения спикера к конкретному лицу (Cameron, Obama) нами применяется форма «ты». При переводе обращения к населению целой страны (people of Australia) – форма «вы».

Араева Л. А.: Слово предоставляется официальному оппоненту Кошкаровой Наталье Николаевне, доктору филологических наук, доценту, профессору кафедры международных отношений, политологии и регионоведения федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)».

Кошкарова Н. Н.: [оглашает отзыв (отзыв прилагается)].

Араева Л. А.: Слово для ответа на прозвучавшие вопросы и замечания предоставляется соискателю.

Мона Е. А.: Благодарим уважаемого оппонента за предоставленный отзыв и переходим к ответам на прозвучавшие вопросы и замечания.

1. Мы принимаем замечание относительно возможного дополнения выносимых на защиту положений и надеемся последовать рекомендации уважаемого оппонента в дальнейшей работе.

2. В ряде случаев в нашем распоряжении были готовые скрипты анализируемых видеообращений, созданные представителями СМИ и размещенные на порталах общего доступа (в частности, в онлайн-версиях американских и британских публицистических изданий). Однако в большинстве случаев на момент их размещения в сети нами уже был подготовлен застенографированный вариант текстов. В таких случаях итоговый текст из обоих источников подвергался сверке. Толкование речи спикеров производилось с учетом аудиально-визуального сопровождения. Закономерные интонационные паттерны и вполне четкая паузация, по нашему убеждению, практически исключают вероятность неверной интерпретации.

3. Безусловно, мы разделяем положение о том, что в рамках террористического дискурса угроза насилем является одним из базовых инструментов воздействия на реципиента (неоднократно подчеркиваем это в работе, например, на стр. 45, 46, 48 и 49). Говорим, однако, и о том, что в некоторых видеообращениях «Исламского государства» акцент смещается с описания действий насильственного характера в сторону восхваления террористической организации с целью вербовки новых членов (в таких обращениях может вовсе отсутствовать открытое устрашение насилем – стр. 62 и 66). Именно данная мысль была заложена в упомянутый фрагмент текста диссертации.

Араева Л. А.: Слово предоставляется официальному оппоненту Плотниковой Анне Михайловне, доктору филологических наук, доценту, профессору кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Плотникова А. М.: [оглашает отзыв (отзыв прилагается)].

Араева Л. А.: Слово для ответа на прозвучавшие вопросы и замечания предоставляется соискателю.

Мона Е. А.: Благодарим уважаемого оппонента за предоставленный отзыв и переходим к ответам на прозвучавшие вопросы и замечания.

1. Мы полностью согласны с уважаемым оппонентом и считаем, что предложенное понятие требует четкой параметризации и определения внутренней системы. Однако подобная работа видится нам как перспектива развития изучаемой тематики. Полагаем, что полная картина сущности террористического дискурса с множеством его проявлений, обладающих специфическими характеристиками, требует привлечения более разнообразного материала исследования (например, как отмечается в диссертации, анализа спонтанной неподготовленной речи террористов или сообщений на иных языках, в частности, на арабском). Тем не менее, на данном этапе работы мы можем определить некоторые значимые аспекты террористического дискурса. Форма создания продуктов данного типа дискурса может быть как устной, так и письменной (например, к контенту, продуцируемому террористами, можно отнести рассматриваемые в работе обращения в социальных сетях, а также любые печатные материалы, распространяемые террористами в рамках популяризации своей идеологии – журналы, листовки, буклеты). В качестве прагматической доминанты, действительно, можно представить стремление террористов создать благородный образ террористической организации, описывая искаженные

факты ее становления и функционирования (реализуется псевдо-образовательная функция коммуникативного акта), и оправдать ее неправомерные действия. Однако это справедливо в большей мере для сообщений жанра вербовки. Обращения-угрозы, на наш взгляд, направлены именно на устрашение и унижение противника. Речь спикера строится в таком случае в традициях тактики нападения. Экспрессия говорящего, безусловно, способствует ослаблению бдительности реципиента, но в то же время помогает спикеру-террористу создать в сознании целевой аудитории яркий запоминающийся образ, мотивирующий неоднократное осмысление воспринятого материала уже после контакта с произведением террористического дискурса.

2. Тексты рассмотренных видеообращений «Исламского государства» являются подготовленными. Изложенное на стр. 92 положение является общим суждением. Иными словами, ошибки на морфологическом уровне (в принципе) обусловлены спешностью речи или ее неподготовленностью. Нами отмечается, что такие ошибки практически отсутствуют в речи спикеров, что опровергает возможность неподготовленности анализируемых выступлений. Тем не менее, мы не отрицаем возможного существования записей импровизационных устных сообщений террористов. При наличии подобного материала исследования станет возможным и распределение анализируемых текстов по шкале спонтанности-подготовленности. Полагаем, что в неподготовленной речи спикеров по-прежнему будут фигурировать некоторые типовые выражения, а в подготовленной речи могут присутствовать незначительные отхождения от плана, обусловленные человеческим фактором: спикер может испытывать волнение, сбиваться, несколько перефразировать мысль. Создание текста обращения, предположительно, является продуктом коллективной работы. В связи с этим особо значимым является положение о необходимости коллективного речевого портрета членов террористической организации.

3. Тема религии является, на наш взгляд, наиболее противоречивым аспектом, проявляющимся в произведениях террористического дискурса. Дело в том, что религиозный дискурс внедряется в террористический не естественным путем (как это происходит, например, в случае взаимодействия экстремистского и террористического дискурсов). Террористы осознанно обращаются к религиозным постулатам и интерпретируют их в своих интересах, искажая исходно закладываемый смысл. Фактор религиозной принадлежности не рассматривается нами столь детально, поскольку, на наш взгляд, здесь справедливо говорить именно об идеологии, подкрепляемой ложными трактовками воли Аллаха, а не о религии как таковой. Безусловно, многие террористы изначально исповедуют ислам и именно на основании данного принципа неосознанно попадают в зону манипуляции. При искажении мировоззрения принципами террористической организации такие люди теряют исходное видение своей веры и становятся радикальными исламистами. Религиозная лексика в террористическом дискурсе является, на наш взгляд, инструментом суггестии. Ее применение обусловлено не верой террористов, а их скрытыми мотивами, определенными планами самопрезентации на международной политической арене. В целом, данное направление исследования видится весьма перспективным. Определение соотношения террористического и религиозного дискурсов будет рассматриваться нами более углубленно при дальнейшей научной работе.

Араева Л. А.: Спасибо! Предлагаю начать дискуссию. В дискуссии могут принять участие как члены диссертационного совета, так и все присутствующие.

Фельде О. В.: Исследование, бесспорно, носит выраженный практический характер, и некоторые наблюдения автора могут быть использованы при изучении конфликтогенных текстов, которые попадают в зону действия ст. 282 и 205 УК РФ. Исследования такого рода, безусловно, повышают социальную значимость теоретических лингвистических

дисциплин. Работа выполнена по специальности «Теория языка»; подобные исследования должны обладать рядом обязательных свойств и качеств. Одним из них является четко выраженная рефлексия автора по поводу решения фундаментальных проблем лингвистики. Отрадно отметить, что в этой работе такая рефлексия не просто есть, она вербализована: в автореферате и в диссертации указывается, что рассматриваются такие фундаментальные проблемы языкознания, как «язык и личность», «язык и социальная действительность». Вторая особенность работ по теории языка – это четкая рефлексия автора по поводу использованных методов и корректности использованных терминов той области знаний, в рамках которой исследование выполнено. Здесь выскажу несколько замечаний, поскольку мне не кажутся корректными некоторые наблюдения. Например, заявление о том, что использован дискурсивный метод, предполагающий целый комплекс методик. Желательно было бы прописать процедуру, в каких частях работы и каким образом он используется. Не совсем четким мне представляется разграничение терминов на стр. 7 автореферата. Дело в том, что лингвистическая персонология – уже не новая наука, она обладает сложившейся терминосистемой. Многие молодые ученые занимаются, как я это называю, процессом «растерминологизации», вольно обращаясь с содержанием устоявшихся терминов. В некоторых случаях то, что Вы называете речевой личностью, попадает в понятийное поле коммуникативной личности, однако данный термин в автореферате не приводится. В некоторых местах представлено индивидуально-авторское видение терминов, которые считаются уже традиционными. Так, в автореферате Вы ссылаетесь на определение языковой личности Ю. Н. Караулова, но ведь у него есть несколько определений данного термина. Возможно, здесь следовало бы указать конкретный год выхода работы. Тем не менее, работа выполнена на очень актуальную тему. Я буду ее поддерживать.

Араева Л. А.: Спасибо! Прошу, Наталья Борисовна.

Лебедева Н. Б.: Я согласна с Ольгой Викторовной, что яркая черта этой диссертации – ее прагматическая направленность, близость к реальности, к актуальным вопросам. Читать и слушать диссертантку было интересно. К достоинствам работы я отношу (помимо актуальности) то, что представлена комплексная характеристика языковой личности, которая называется «суррогатной», «искусственной». Я согласна с возможностью давать такую типологию языковых личностей. Можно формулировать иначе, но мне кажется, что она вполне обоснована анализом комплекса средств: и вербальных, и паравербальных, и фонетических... – все это хорошо исследовано и доказано, не вызывает у меня сопротивления как у читателя. Есть и замечания, касающиеся положений, выносимых на защиту. Это один из самых сложных разделов автореферата и всей работы. Например, в первом положении говорится о неумении террориста вести диалог из-за ригидности. Откуда взяться здесь диалогу (хоть в устной, хоть в письменной форме – пусть это будут даже листовки)? Монологическая организация текста это исключает, поэтому неумение вести диалог как характеристика языковой личности – спорный аспект. Второе положение о том, что террористический дискурс входит в экстремистский, а тот, в свою очередь, входит в политический, кажется очевидным. Нужно ли это защищать (расположение элементов в этой иерархии)? Мне кажется, что эти два положения несколько отстоят от проведенной работы. Тем не менее, работа, по-моему, заслуживает присуждения искомой степени, и я буду голосовать за нее.

Араева Л. А.: Коллеги, я понимаю сложность этой работы, особенно когда задавались вопросы (языковая личность, речевой портрет и т.д.). Некоторые вещи здесь идут как бы вразрез с общепринятыми, к которым мы привыкли, которые многими очень активно обсуждаются. В частности, здесь очень много людей, пишущих экспертизы; Татьяна Владимировна прочла прекрасный вебинар в Красноярске. Я хочу сказать, что, как ни странно, это имеет под собой основание. Я прекратила заниматься экспертизой именно

после работы с текстом запрещенной в России организации. Я совершенно согласна с тем, что главное орудие у террористов – устрашение, если человек не идет на поводу. Нам привычно более полное видение языковой личности (отец, мать, дети и т.п.), но я столкнулась с тем, что, как только человек попадает под это влияние, все остальное уходит. Становится незначимой жизнь ребенка, матери. Человек может покинуть страну, уехать на территорию «Исламского государства», погибнуть там во имя идеи. Понимаете, это не та языковая личность, к которой мы привыкли. Там все подчинено одной идее, идет жуткая манипуляция, когда все остальное для человека обесценивается. Я понимаю, насколько трудно было писать эту работу, насколько сложно идти против тех, уже устоявшихся, понимаемых нами терминов. Поэтому хорошо, что такая работа вышла. Где-то это может помочь людям понять и не подвергнуться воздействию. Мы находимся в том состоянии, когда в настоящее время продолжается манипуляция сознанием, и человек становится «суженной» языковой личностью, а не такой, к которой мы привыкли. Я буду голосовать «за».

Итак, заключительное слово предоставляется соискателю.

Мона Е. А.: Хотелось бы выразить признательность председателю диссертационного совета, членам диссертационного совета и всем присутствующим за внимание к работе, озвученные вопросы и дискуссию по существу исследования. Благодарим за проделанную работу, заданные вопросы и ценные замечания оппонентов и ведущую организацию, а также всех авторов отзывов на автореферат кандидатской диссертации. Благодарим экспертную комиссию за работу с текстом диссертации на этапе допуска к защите, а также секретаря диссертационного совета за помощь на всех этапах подготовки документации. Особую благодарность хотелось бы выразить научному руководителю, благодаря которому данное исследование состоялось.

Араева Л. А.: Спасибо! Для проведения процедуры тайного голосования по вопросу о присуждении Мона Елизавете Александровне ученой степени кандидата филологических наук нам необходимо избрать счетную комиссию. Предлагаю в состав счетной комиссии избрать: Кондратьеву Ольгу Николаевну, Каменеву Веронику Александровну и Фельде Ольгу Викторовну. Ставлю на голосование. Единогласно. Счетную комиссию прошу приступить к работе, секретаря прошу выдать бланки бюллетеней. Напоминаю, счетная комиссия, что вам необходимо до проведения голосования проверить урну и опечатать ее. Решение считается принятым, если за него проголосовало 9 членов совета.

Араева Л. А.: Слово для оглашения результатов работы счетной комиссии предоставляется ее председателю, доктору филологических наук, профессору Кондратьевой Ольге Николаевне.

Кондратьева О. Н.: Уважаемые коллеги, состав избранной счетной комиссии: председатель – доктор филологических наук Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук Фельде Ольга Викторовна.

Состав диссертационного совета утвержден в количестве 21 человека, в состав совета дополнительно никто не вводился, присутствовало на заседании 17 членов совета, в том числе 7 докторов наук по профилю рассматриваемой диссертации. Изготовлен 21 бюллетень. Выдано 17 бюллетеней, осталось 4 невыданных бюллетеня, в урне оказалось 17 бюллетеней. Результаты голосования по вопросу о присуждении ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка Мона Елизавете Александровне: «за» – 17, «против» – 0, недействительных бюллетеней – 0.

Араева Л. А.: Ставлю на голосование вопрос об утверждении протокола счетной комиссии по итогам голосования. Кто «за»? Решение принято единогласно.

Мона Елизавета Александровна, по результатам тайного голосования диссертационным советом принято решение о присуждении Вам ученой степени кандидата филологических наук. Поздравляем Вас!

Обсудим проект заключения. Полагаю, что можно взять за основу. Кто «за»? Единогласно.

Араева Л. А.: Елизавета Александровна, Вам необходимо зачитывать заключение?

Мона Е. А.: Нет, благодарю.

Араева Л. А.: Коллеги, заседание объявляется закрытым.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ: На основании результатов тайного голосования членов диссертационного совета Д 212.088.01 при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кемеровский государственный университет» («за» – 17, «против» – 0, недействительных бюллетеней – 0) считать, что диссертация Мона Елизаветы Александровны «Языковая личность террориста (исследование на материале видеообращений членов международной террористической организации Исламское государство, запрещенной на территории Российской Федерации)» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для филологии, что соответствует требованиям, изложенным в пункте 9 действующего «Положения о порядке присуждения ученых степеней», и присудить Мона Елизавете Александровне ученую степень кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА

Д212.088.01 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ, по диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Решение диссертационного совета от 20.12.2019 №419

о присуждении Мона Елизавете Александровне, гражданке Российской Федерации, ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Диссертация «Языковая личность террориста (исследование на материале видеообращений членов международной террористической организации Исламское государство, запрещенной на территории Российской Федерации)» по специальности 10.02.19 – Теория языка принята к защите 18 октября 2019 г. (протокол № 407) диссертационным советом Д212.088.01 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ (650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6), действующим на основании приказа №714/нк от 02.11.2012.

Соискатель Мона Елизавета Александровна, 1993 года рождения, в 2014 году окончила федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» по программе бакалавриата (направление подготовки 03.10.00 – «Филология») с присвоением квалификации «Бакалавр».

В 2016 году окончила федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» по программе магистратуры (направление подготовки 45.04.01 – «Филология») с присвоением квалификации «Магистр».

В 2019 году Е. А. Мона освоила программу подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования

«Кемеровский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ. Дата окончания очного обучения – 31.08.2019.

В настоящее время не трудоустроена.

Диссертация выполнена на кафедре переводоведения и лингвистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ.

Научный руководитель – **Фомин Андрей Геннадьевич**, доктор филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка, профессор, профессор кафедры переводоведения и лингвистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», Министерство науки и высшего образования РФ.

Официальные оппоненты:

1. Кошкарлова Наталья Николаевна, гражданка Российской Федерации, доктор филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык, доцент, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, г. Челябинск;

2. Плотникова Анна Михайловна, гражданка Российской Федерации, доктор филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка, доцент, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, г. Екатеринбург, –

дали положительные отзывы о диссертации.

Ведущая организация федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования **«Уральский государственный педагогический университет»**, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, г. Екатеринбург, в своем положительном отзыве (отзыв составлен Чудиновым Анатолием Прокопьевичем, доктором филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык, профессором, заведующим кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет», Министерство науки и высшего образования Российской Федерации) отметила особую актуальность исследования, его теоретическую и практическую ценность, а также указала на значимость разработки и апробации методик речевого портретирования террористов как необходимого этапа создания лингвистической базы противодействия терроризму.

Выбор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования **«Уральский государственный педагогический университет»**, Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, в качестве ведущей организации обусловлен тем, что труды ученых института филологии и межкультурной коммуникации посвящены изучению политической коммуникации (в частности, анализу речевого воздействия в политическом дискурсе), рассмотрению соотношения фундаментальных понятий «язык – политика – культура», а также лингвистической экспертизе спорных текстов. На базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования **«Уральский государственный педагогический университет»**

ежегодно проходят конференции и круглые столы, посвященные обозначенной проблематике, а к числу научных изданий, публикуемых данным высшим учебным заведением, относится журнал «Политическая лингвистика», входящий в Перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Выбор доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры международных отношений, политологии и регионоведения федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, **Кошкарровой Натальи Николаевны** в качестве официального оппонента обусловлен тем, что к числу научных интересов данного исследователя относится изучение функционирования конфликтного дискурса в межкультурной политической коммуникации; ученый также анализирует особенности применения различных средств и технологий в рамках коммуникативного взаимодействия общества и СМИ. За последние 5 лет Н. Н. Кошкарлова опубликовала значительное количество научных статей, посвященных данной проблематике.

Выбор доктора филологических наук, доцента, профессора кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, **Плотниковой Анны Михайловны** в качестве официального оппонента обусловлен тем, что данный исследователь занимается изучением конфликтной коммуникации, а также имеет практический опыт проведения лингвистической экспертизы текстов. За

последние 5 лет А. М. Плотникова опубликовала ряд работ, значимых для политической и судебной лингвистики.

На автореферат диссертации поступило 7 отзывов:

- **Сулеймановой Ольги Аркадьевны**, доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык, профессора, заведующего кафедрой языкознания и переводоведения института иностранных языков федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет, г. Москва;

- **Карнюшиной Веры Вениаминовны**, кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, доцента бюджетного учреждения высшего профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет», г. Сургут;

- **Катерминой Вероники Викторовны**, доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка, профессора, профессора кафедры английской филологии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет», г. Краснодар;

- **Гурина Владимира Валерьевича**, кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – Германские языки, доцента, доцента кафедры иностранных языков и лингводидактики педагогического института федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет», г. Иркутск;

- **Загидуллиной Марины Викторовны**, доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература, профессора кафедры журналистики и массовых коммуникаций федерального государственного

бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный университет», г. Челябинск;

- **Федотовой Ирины Петровны**, кандидата филологических наук, доцента, доцента кафедры лингвистики и международного права Дальневосточного института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Хабаровск;

- **Лариной Татьяны Викторовны**, доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, профессора, профессора кафедры иностранных языков филологического факультета федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов», г. Москва.

Все отзывы положительные.

Общие выводы по автореферату следующие: 1) диссертационное исследование соответствует паспорту специальности 10.02.19 – Теория языка; 2) работа соответствует критериям действующего Положения о присуждении ученых степеней; 3) соискатель заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по искомой специальности.

В отзывах отмечается актуальность темы исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, а также логичность изложения материала в автореферате кандидатской диссертации, убедительность аргументации и доказательность положений, выносимых на защиту.

В отзывах также содержатся вопросы, касающиеся частных аспектов исследования:

- Ольга Аркадьевна Сулейманова: «Какие лингвоперсонемы автор относит к предложенным подтипам "субординационная языковая личность" и "суррогатная языковая личность" (помимо языковой личности террориста)?»;

- Марина Викторовна Загидуллина: «Можно ли предположить, что в рамках "языка вражды" неизбежно формируется модель монологического дискурса, клеймящего противника (близкая кодам пропаганды); не является ли рассмотренный материал частным случаем такого общего феномена?»;

- Ирина Петровна Федотова: «Дискуссионным представляется следующий аспект – исследование проведено на материале английского языка, тогда зачем в работе приведены переводы на русский язык, в каждом из которых выделены анализируемые лингвистические особенности? Говорит ли это о том, что результаты исследования применимы как к английскому, так и к русскому языкам? Как, в таком случае, расценивать использование в русских переводах местоимений "ты" и "вы" (стр. 11 автореферата), соответствующих английскому you?»

По теме исследования соискателем опубликовано 8 работ, в том числе 4 статьи в рецензируемых научных изданиях Перечня ВАК Минобрнауки России (1 статья опубликована в издании, индексируемом в международных цитатно-аналитических базах данных Scopus и Web of Science).

Наиболее значимые научные работы автора по теме диссертации:

1. Мона, Е. А. Лексические особенности организации речи спикера-террориста в видео обращениях ИГИЛ (организации, запрещенной на территории Российской Федерации) / А. Г. Фомин, Е. А. Мона // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1 (67) – С. 98–104.

2. Мона, Е. А. Стратегии и тактики речевого манипулирования в видеообращениях Исламского государства / А. Г. Фомин, Е. А. Мона // Мир

лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019. – № 3. – С. 142–154.

3. Mona, E. A. Kinesic Components of Terrorist Nonverbal Behavior / A. G. Fomin, E. A. Mona // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2017. – № 3. – P. 325–329.

4. Mona, E. A. Conceptual Metaphor as a Means of Terrorist Suggestion (on the Material of the Islamic State Video Messages) / A. G. Fomin, E. A. Mona // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – № 23 (3). – P. 698–713.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований:

- *предложен* оригинальный подход к типизации языковых личностей;
- *определено* место языковой личности террориста в системе лингвоперсонем;
- *разработана* научная концепция комплексного лингвоперсонологического портретирования языковой личности террориста;
- *доказана* перспективность применения семиотического подхода к исследованию речевого поведения представителя террористической организации;
- *введены* новые понятия для обозначения типов языковых личностей («естественная языковая личность» и «искусственная языковая личность») и подтипов искусственной языковой личности («субординационная языковая личность» и «суррогатная языковая личность»).

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что:

- *доказана* эффективность междисциплинарного подхода, включающего комплекс методов, применительно к анализу произведений террористического дискурса;
- *теоретически обоснована* предложенная типологизация языковых личностей.

Применительно к проблематике диссертации:

- *выявлены и описаны* специфические черты языковой личности террориста-спикера;

- *установлены* факторы, определяющие особенности вербальной и невербальной организации речи террористов в рамках видеообращений;

- *изложены* аргументы, подтверждающие наличие суггестивного воздействия террористической организации на сознание суррогатной языковой личности.

Значение полученных соискателем результатов для практики подтверждается следующим:

- *разработана и апробирована* комплексная методика анализа произведений террористического дискурса, подразумевающая изучение лингвистических и экстралингвистических факторов, характеризующих речевую деятельность языковой личности конкретного типа;

- *создана* модель языковой личности террориста-спикера «Исламского государства»;

- *определены* перспективы практического применения полученных результатов для разработки механизмов противодействия террористическому воздействию в интернет-коммуникации и *представлены* перспективы изучения неподготовленной (спонтанной) речи членов террористических организаций.

Достоверность полученных результатов подтверждается следующим:

- *произведен* анализ валидного эмпирического материала;

- *рассмотрены и обобщены* теоретические положения, излагаемые в классических трудах по теории языковой личности, а также в современных работах по речевому портретированию;

- *использованы* современные методы сбора и обработки материала исследования;

- установлена соотносимость сформулированных выводов с результатами, полученными в ходе проведения исследований в смежных областях научного знания.

Личный вклад соискателя состоит во включенном участии на всех этапах проведения исследования: самостоятельном сборе и интерпретации материала исследования, апробации полученных результатов, представлении отдельных аспектов исследования на международных конференциях, а также в публикации статей в ведущих научных изданиях.

На заседании диссертационного совета 20 декабря 2019 года диссертационный совет принял решение присудить Мона Елизавете Александровне ученую степень кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 17 человек, из них 7 докторов наук по специальности 10.02.19 – Теория языка, участвовавших в заседании, из 21 человека, входящего в состав совета, проголосовали: за присуждение учёной степени 17, против присуждения учёной степени 0, недействительных бюллетеней 0.

Председатель
диссертационного совета

Ученый секретарь
диссертационного совета

20 декабря 2019 года

Араева
Людмила Алексеевна

Проскурина
Анастасия Викторовна